

Гатьяна Гриванова

**СКАЗ ПРО ТО, КАК МАРЬЯ
ИВАНА ИСКАЛА**
(Судбищенская битва)

© Орёл—2012

УДК 82-1
ББК 84(2p)6
Г 82

Г 82 Татьяна Грибанова. Сказ про то, как Марья Ивана искала. (Судбищенская битва/ – Орёл, полиграфическая фирма «Картуш», 2012. – 64 с.

ISBN 978-5-9708-0355-4

Эпическая поэма Татьяны Грибановой «Сказ про то, как Марья Ивана искала» повествует о славном подвиге русских воинов под командованием воеводы И. В. Шереметева в жесточайшем сражении с 60-тысячным войском крымского хана Девлет-Гирея в июле 1555 года у деревни Судбищи. (Ныне находящейся в Новодеревеньковском районе Орловской области).

Судбищенская битва стала этапным событием в истории русско-крымских войн. С этого момента начался период контрнаступлений Москвы против Крымского ханства.

Имя воеводы И. В. Шереметева ещё долгое время наводило ужас на врагов Земли Русской. «И Божьим милосердием, – гласит летопись, – прииде на них страх и трепет, и вскоре назад воротились, на бегство устремившаяся...»

УДК 82-1

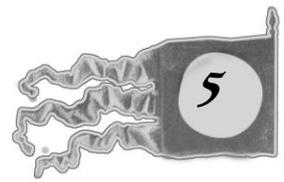
ББК 84(2p)6

ISBN 978-5-9708-0355-4

© Т.И. Грибанова, 2012

© ПФ «Картуш», 2012

© Оформление А.С. Ухин, 2012

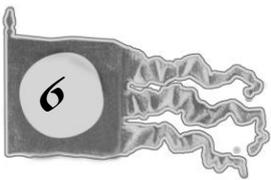
«...И КРИКОМ ЗАКРИЧИТ НАСТОЯЩЕЕ...»

В предисловии к роману «Герой нашего времени» Михаил Юрьевич Лермонтов написал: «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики». Думаю, что ни в том, ни в другом творчество Татьяны Грибановой не нуждается. И тому подтверждение изданные ею сборники стихотворений «Апрель», «Прощеный день» и публикации в журналах и альманахах, в том числе и столичных.

Со стихами и прозой Татьяны Грибановой познакомился я сравнительно недавно, когда мне в руки попал целевой выпуск «Роман-журнала XXI век», в котором были опубликованы произведения писателей-орловчан. Позже я познакомился с автором публикации лично в Орле, на семинаре молодых писателей «Хрустальный родник». Мне даже посчастливилось (с любезного согласия автора) прочитать рукопись её будущей книги прозы «Лесковка».

Первая публикация её стихотворений состоялась лишь в 2006 году. Но читая стихи и прозу Татьяны Грибановой, убеждаешься в том, что перед нами вполне состоявшийся автор со своим неповторимым голосом, ярким, самобытным и сочным языком, своей темой. Она и в прозе остаётся поэтом. Возможно, кто-то скажет, что это моё субъективное мнение. Возможно. Но это моё мнение полностью совпадает с мнением других собратьев по перу. Вот что пишет о стихах Татьяны Грибановой в предисловии к сборнику «Прощённый день» лауреат многих Всероссийских литературных премий Ирина Семёнова:

«Стихи Татьяны Грибановой продиктованы необходимостью поделиться с читателем опытом своей души, редкой в наше время добротой и сочувствием к окружающему её миру. Видно, что они выросли не на пустом месте, что через глубокие народные корни их питает сама праматерь – Земля, подарившая автору цветущий островок его малой родины».

Но это, как говорится, к слову. А по большому счёту Татьяна Грибанова не нуждается в словесных подпорках, какими бы значительными и авторитетными они ни были, поскольку творчество её говорит само за себя:

* * *

*А по ночам я звёзды собираю,
На дно колодца сыплю под окном
И солнце из сарая выпускаю,
И на закате прячу за гумном.*

* * *

*Пройдя тернистые дороги
Босая, по своим грехам
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.*

* * *

*Здесь кость на кости, среди них – мои предки.
Век с веком сплелись, перепутались ветки,
Замшели кресты, и сровнялись могилы
Деревни моей, моей родины милой.*

Думаю, что комментарии к этим стихам были бы излишни.

И вот перед тобой, дорогой Читатель новая работа Татьяны Грибановой – эпическая поэма-сказ о Судбищенской битве между 7-тысячным отрядом воеводы Ивана Шереметева и 60-тысячным войском

крымского хана Девлет-Гирея во времена Ивана Грозного. Написанная на историческом материале сочным народным языком, она призвана пробуждать у современного вдумчивого читателя патриотические чувства. Родоначальник исторической поэмы в России Михаил Херасков в своём обращении к читателям третьего издания своей поэмы «Россияда» писал: «Читатель! Ежели преходя все сии бедствия нашего отечества, сердце твоё кровью не обливается, дух твой не возмутится и наконец в сладостный восторг не придёт – не читай мою «Россияду» - она не для тебя писана – она для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших». Слова эти в полной мере можно обратить к читателям поэмы Татьяны Грибановой.

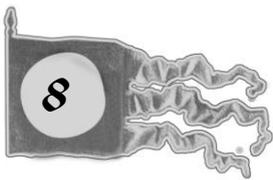
Более четырёх с половиной веков прошло со времени Судбищенской битвы. Но, читая поэму Татьяны Грибановой, я ловил себя на мысли, что жестокие уроки истории мало чему научили человечество. А жаль. Именно поэтому поэма Татьяны Грибановой сегодня звучит злободневно и призывает нас увидеть в прошлом настоящее. В одном из писем к поэту Н.М.Языкову Николай Васильевич Гоголь писал: «Бей в прошедшем настоящее, и в двойную силу облечётся твоё слово: живее через то выступит прошедшее, и криком закричит настоящее».

И это действительно так!

Владимир МОЛЧАНОВ,

Секретарь Правления Союза писателей России,

Лауреат ряда Всероссийских премий.

«... О ветер, ветрило! Зачем, господин, наперекор
веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих
лёгких крыльях на воинов моего лады? Разве мало
тебе под облаками ваять, лелея корабли на синем
море? Зачем, господин, моё веселье по ковылю
развеея?..»

(Плач Ярославны, «Слово о полку Игореве»).

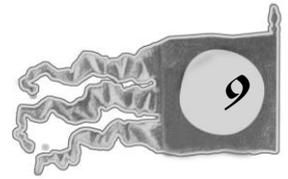
1.

Вожий серп отсенокосил,
Ночь скопнил за ветхий тын.
В лихо лето, високосно,
Смыло град-дождём мечты.

Во пшеничные во косы
В знак извечной маяты
Зорька Марьюшке на сносях
Заплела куколь*-цветы.

Куколь*. сорная трава

Знать, ходила зря на росстань*,
Клала зря на ней кресты.
Эх, раным-рано да босой,
По лугам в ночную стынь.

За семь долов, за пять речек
Ваня-друг, сиз-голубок.
«Со стрельцами бьёт картечью?
Аль на Сечь от них утёк?»

Али в лапах птицы-кречет?
Аль душою занемог?
Сколь не спал на родной печи!
Не пахал который срок?»-

*росстань – распутие, перекрёсток

Всё вела об милом речи,
О себе ж — всегда молчок.
Затепляла в церквах свечи.
Ворожила у дорог:

«Я иду по летним зорям,
Умываюся росой,
Чтоб не знать в пути мне горя,
Одолень-трава со мной,

Чтоб дорогу одолети,
Обойти лихих людей,
Чародеев бы не встретить,
Никаких не знать чертей!»

На завалинке у хаты
Плакун-дерево растёт,
Воеет грусть—печаль солдатка,
О Ванюше слёзы льёт:

*«Уж вы горлинки, мои вы голубочки!
Не гуркуют во зелёном во лесочке,
Не садитесь на ели вы, на сосенки,
Облетайте стороною вы берёзоньки.
Им и так беда-бедой, горяче-горюшко,
Хоть беги из бора во широко полюшко.
Их макушечки ветрища позаламывали,
А сучки-лозиночки да позапутывали.
Злобны вороны собираются, всё каркают,
Гнездовища в них свои обустройствают.
Как у нашего родимого Ванюшечки
Крупны кудри на головке с золотиночкой.
Как у милой нашей лапушки у Марьюшки
Жисть-судьбинушка солдатки-сиротиночки,
Не утёрты беспросветные слезиночки,
Ой, да свадьбы нет, одни болести да поминочки...»*

2.

Вацвела душа кручиной,
Словно ряской омуток.
Ситный Марьюшка, полынный,
Испекла на посошок,

С бабьей ягодкой—калиной
 Завела крутой квасок.
 Со горюч-слезой невинной
 Помолилась на восток:

«Пусть беда милого минет,
 Пусть хранит мой дар - платок,
 Пусть спасёт мечта о сыне!
 Век - короток, путь - далёк!

Чем измерить бабье горе?
 На плечо упасть кому?..
 «Ну, кажись котомка в сборе...
 Дай-то Бог, вернусь к Роштву!*

* Роштво - Рождество

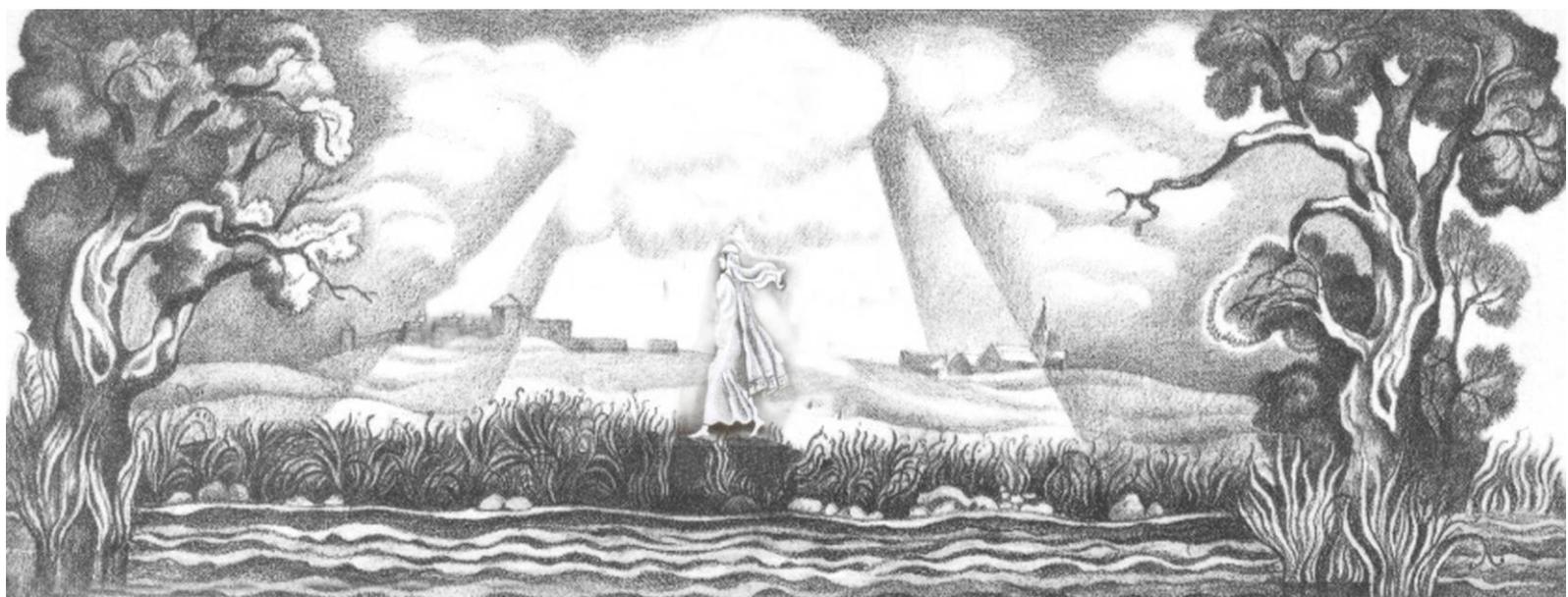

Чуть спустилася в подгорье,
 Поклонилася дому...
 Конь с Бурёнкой на просторе
 Щиплют клеверок во рву...

И отправилася с подворья...
 То ль жену ли, то ль вдову
 Ветер слушал, плачу вторя,
 В след катил печаль-траву.

Стёжкой, глинистым уступком
 На крут-берег поднялася,
 Птицей, сизою голубкой,
 Обернулась и взвилась

Над бурьянистым просёлком.
 (Встречный ветер – трын-трава!)
 Мимо кузни деда Фролки,
 Мимо храма Покрова.

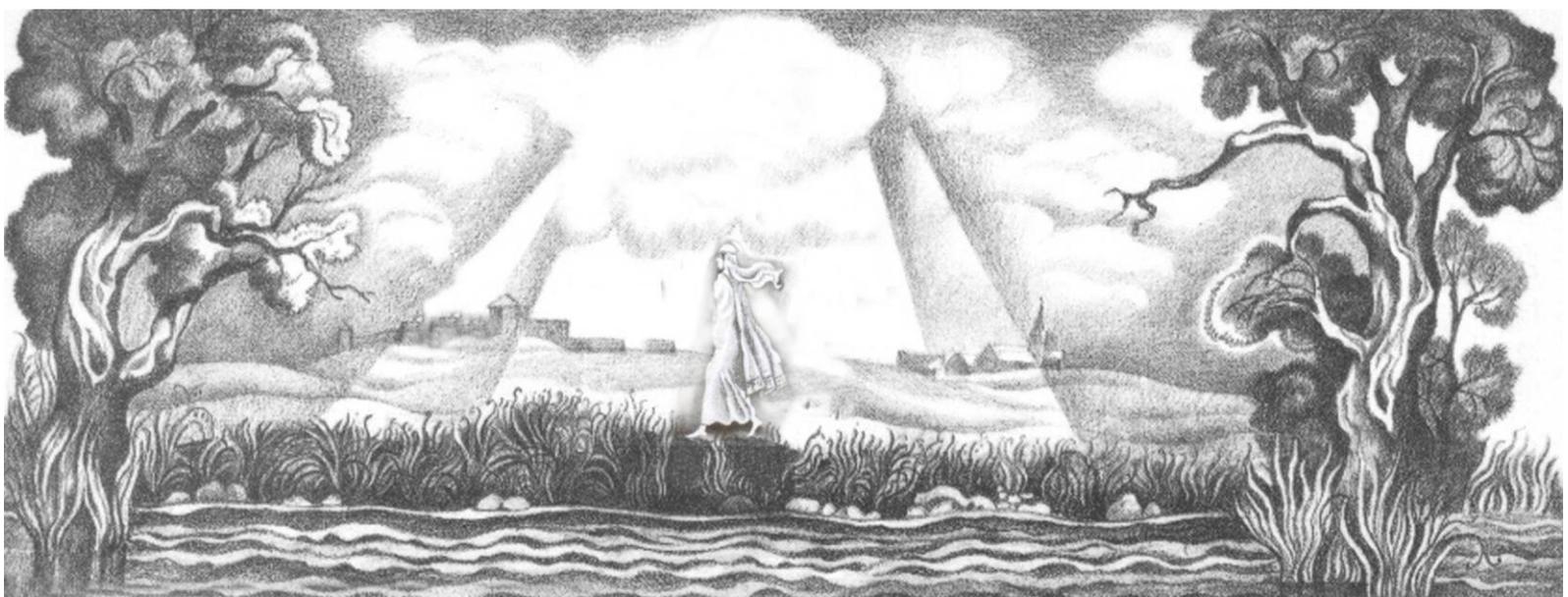

Ни полстона, ни ползвука,
Хоть смотреть с под неба – страсть!
Распластала крылья-руки,
На златы кресты крестясь.

Марья верила: разлука,
Напотешившись властью,
Возвернёт её супруга:
«Боже! Не введи в напасть!»

Русь-земля полнится слухом,
Где зазноба – не секрет.
Со Всемилостивым Духом
Сохранит Господь от бед...

Гром ли грянет, филин ухнет,
Девка - шиш ему в ответ:
«Не пужай, судьба-прорука,
Не погубишь в цвете лет,

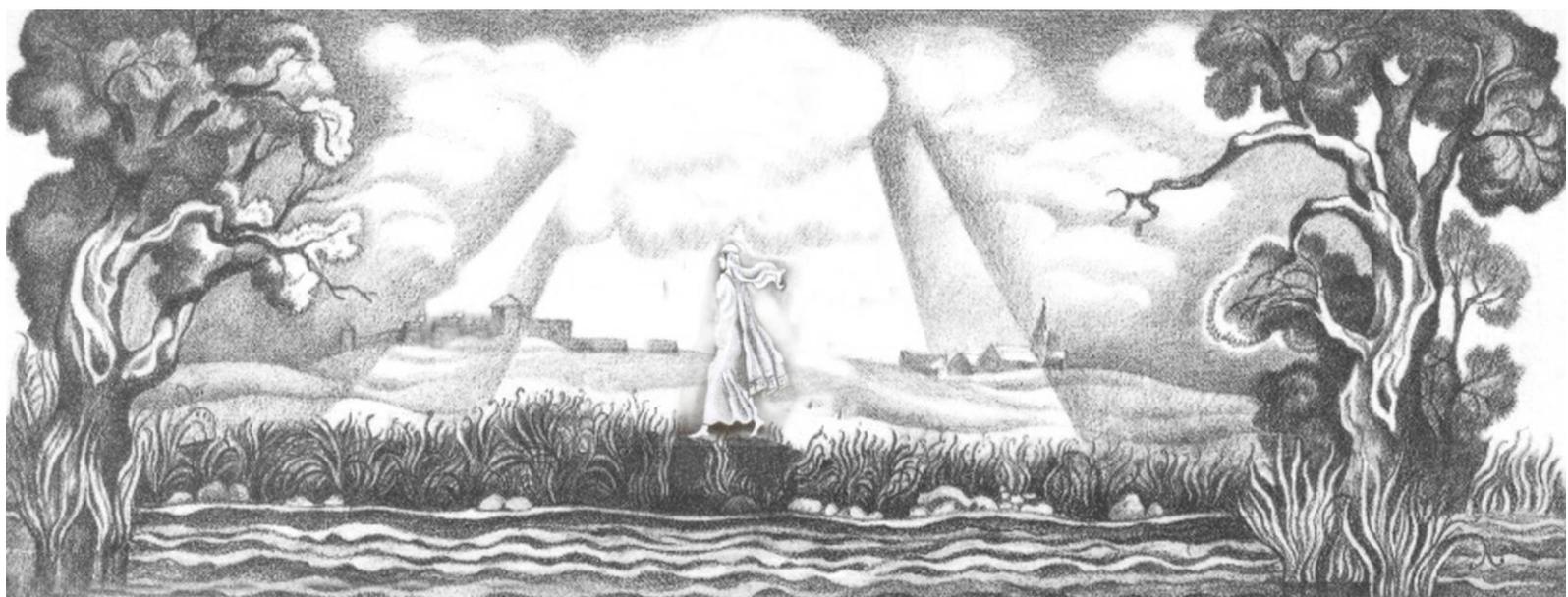

Не возьмёшь, хочь плачь, испугом,
Аль не ведаешь, что свет
Мне не мил, хочь сыпь жемчугом,
Не нужен, коль Вани нет!»

3.

Сзираясь на зарницы,
Мчится тенью по степи
Бедолага голубь-птица.
Звёздный дождик путь кропит.

А внизу, конца и края
Не видать, на тыщу вёрст -
Русь-Рассеюшка родная:
Сёла... нивы... храм... погост...

Не считает вёрсты Марья:
 «Ай, судьбу воротишь вспять?»
 До палатей государя
 Ей почти крылом подать.

Глядь-поглядь, поди, полцарства
 Отлетело в синю даль.
 Краю нет её мытарствам!
 Жалит в грудь змея-печаль.

И жара палит с рассвета.
 Нынче лето – спасу нет!
 -Мозняки! Любовша* где-то!
 Девка – камнем в рясный цвет.

* Любовша – река в Орловской области, Новодеревеньковском р-не

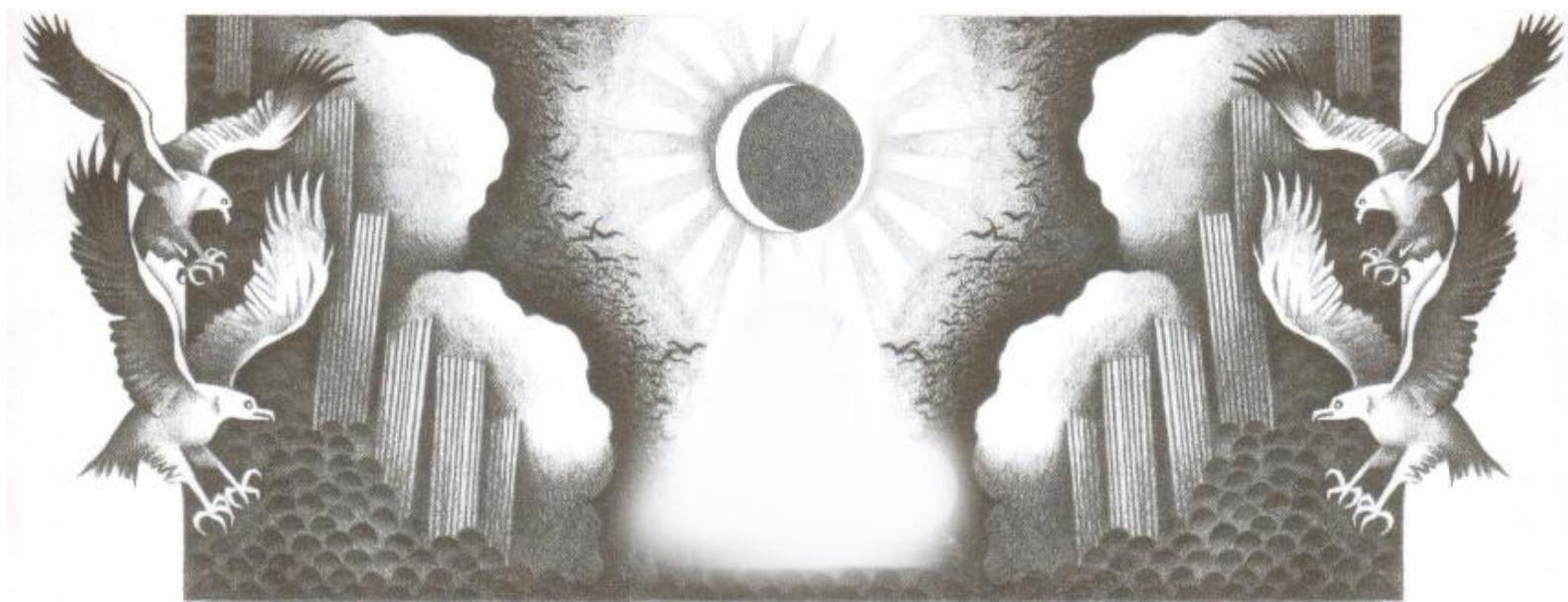

Благодать!.. Не крикнет утка...
 Не шелохнется тростник...
 Спят стрекозы в незабудках...
 Спит пескарь... ивняк поник...

Дроплывёт корягой щука,
 Нырь – в «парное молоко»,
 И опять, зевнув со скуки,
 Стережёт речной покой...

Марья всё же отряхнулась
 И – опять под облака.
 «Град на взгорье, верно, – Тула!..»
 Вдруг насупилась река,

Степь грозой дохнула с юга,
 Встелились ковыли,
 Встонала земь с испуга,
 Солнца круг померк в пыли.

Сжалась душечка в комочек.
 Марья – в голос! Ну, рыдать!
 Крылья пали, нету мочи.
 «Ваступися, Божья Мать!»

Знать не знает девка-птица,
 Раздвигая грудью хмарь,
 Что задумал во светлице
 О ту пору Грозный царь.

4.

Ни дней пять, как свёкр, не в духе.
 Влющий! Боже, упаси!
 Расползлись, как крысы, слухи:
 Кабарде Девлет* грозит,

* Девлет Гирей- Крымский хан времён Ивана Грозного

Русским подданным покорным.
«Мёс! Мющады не проси!
Мюпадись – на дыбе вздёрну!
Хватит шастать по Руси!»

Не секрет: цари на ветер
Не бросают праздно слов, –
Воевода Шереметев
Соколом летит в Белёв,

И уже хоругви реют,
Чтоб тринадцать тыщ вести
Мерекрыть Девлет-Гирею
На Черкессию пути.

Государь не знал сомненья, –
Как себе, доверить мог
Воеводе ополченье,
Момнил прошлых битв урок.

Как рубились под Казанью!
 Мал Кошак*, Сафа-Гирей**
 Пред боярином.
 Сколь ранен?..
 Сколь пролил за Русь кровей?

...От заставы от Васечной
 Вышли Троицей на юг.
 (В верности поклявшись вечной,
 На Кавказе гибнет друг!)

Крымский хан, как лис, лукавый.
 За Девлетом – глаз да глаз!
 Лук натянут, вроде, вправо,
 Смерть налево понеслась.

* Кошак - Крымский царевич

** Сафа-Гирей - Казанский царь

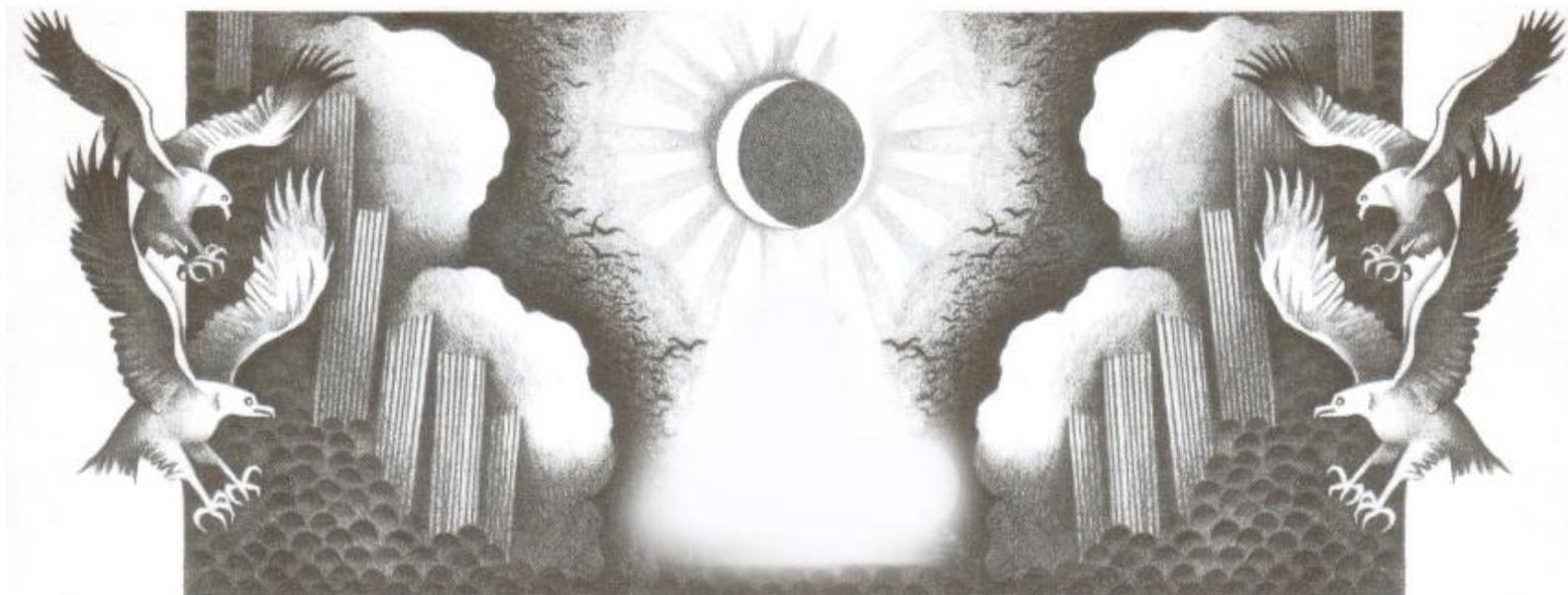
Государь – ни сном, ни духом,
 Воеводе – невдомѣк:
 Хан метнулся злобной мухой,
 Двинул вспять татар поток.

Ю Муравскому по шляху
 Друт на Тулу напрямком
 Шесть десятков тыщ без страху
 За богатым ясаком*.

Нукера** и кони, кони...
 Ни травинки позади!
 Стьепь от ран несчѣтных стонет,
 Я орда летит, летит...

*Ясак – подать, платимая инородцами

**Нукер – дружинник на службе знати

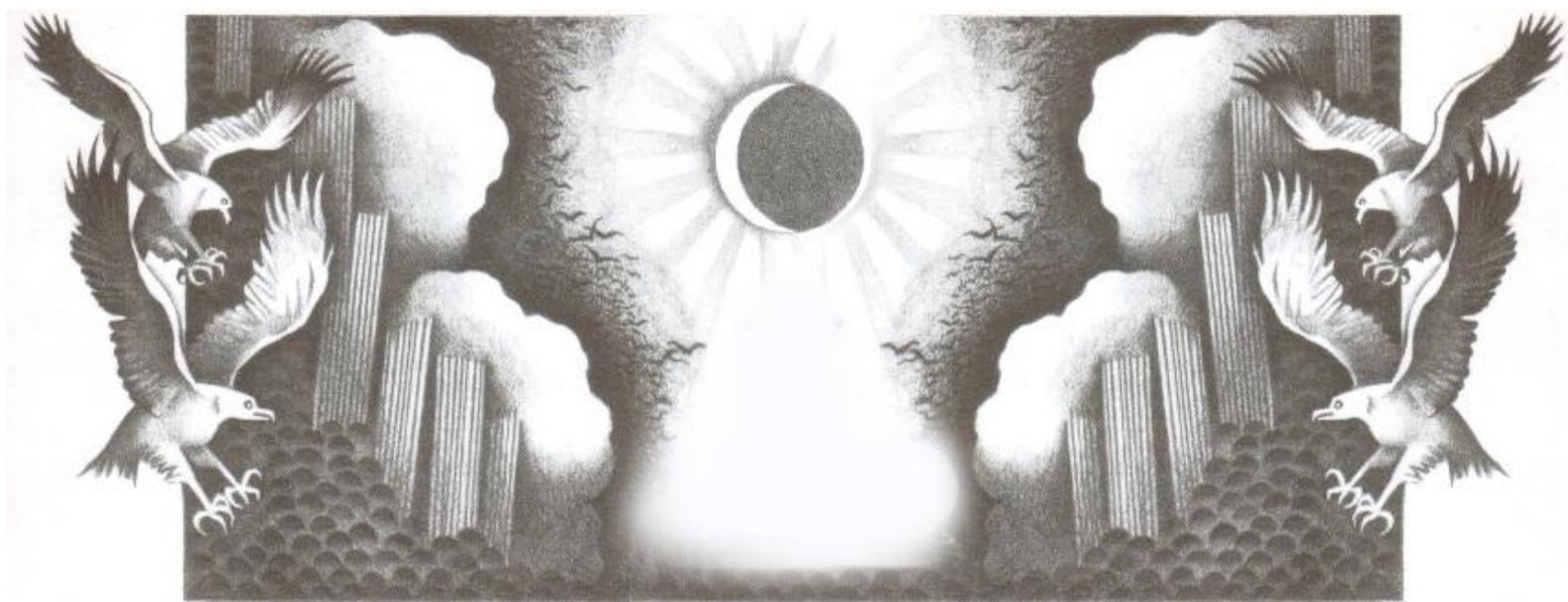

Эту дикую армаду
 Марья встретила в пути:
 «Сотаньё, видать, из ада!
 Вишь, как гикает, свистит!

Меченегу, ай хазары?
 Снова тучи хищных стай!
 Отголоски песни старой?
 Чингиз-хан, али Мамай?

Стоном стонет степь-землица,
 А с украин* дышит гарь;
 Валом валит огневица –
 Разоренья господарь.

* Украина - порубежье

Запылают городища,
Смерть, беда со всех сторон!
Мужиков полягут тыщи,
Баб, детей сведут в полон...

Ишь, как бельмы жадность застит!
Сколь давали им урок!
Встревал не раз в их пасти
Русский лакомый кусок!»

5.

Воевода наш – бывалый.
Сколь ходил на татарву?
Степь шепнула, подсказала:
«Замахнулись на Москву!»

Вот удача, так удача!
А верней – Господний дар -
Враг вперёд нахально скачет,
Со спины не ждёт удар.

И летят с Изюма кони
 День и ночь, до поздних рос.
 Не напрасная погоня —
 Басурманский взят обоз!

Марья видит с поднебесья:
 С нами Бог!
 Ватихла брань,
 В пух и прах разбиты бесы.
 А добычу мчат в Рязань,

В Рязск и Мценск.
 Шесть десятков тыщ коней!
 Да верблюды! И не мене
 Аргамаков было в ней.

Тысяч шесть стрельцов охраны
 Шереметев отрядил...
 Горлом кровь пошла у хана,
 В злобе бошки порубил

Он гонцам, что весть лихую
О потере принесли.
Мал на землю: «Слышу, чую!
Не далече рось* ушли!»

Развернулся и – от Тулы!
«Налетим ещё, авось!»
И – стрелой, и – пулей, пулей
По следам спасать обоз...

б.

Не далече от Судбища**,
Хочешь – верь, а хошь – не верь,
По степи бредёт зверище –
Конь-ни конь, двугорбый зверь!

*Рось - русские

**Судбище - деревня в Орловской обл., в Новодеревеньковском р-не

Так себе идёт, впритруску.
 Муть какой! Видать, устал.
 Марья – шасть! Ему на ушко:
 «Ты Ванюшку не видал?»

Наседает: «Ты откеля?»
 «Из Тавриды*», - говорит.
 «Из далече залетели!
 Потеряли страх и стыд!»

Глазом не повёл: «Прищепка!
 Знаешь, репей прилип в степи...
 Как трава горчит здесь крепко!..
 Мне б оазис да попить!..»

*Таврида - Крым

«Ты пошто до нас припёрся?
Кто тебя сюды просил?
Ай, не чуешь? Скоро осень!
А кады ж покос косить?»

Млюнул нехристь от досады.
Рази ж он чужбине рад?
Баба тож ему не рада.
Лучше б двинул в Ашхабад!

«Ах, ты жирная верзила!
Клеверок наш не хорош!
Наша травка не по рылу!
Ах, ты!.. Ах... заморска вошь!»

Ах, слюнявая ты жаба!
Нате ж вам! Какой кураж!
С наших трав дерёт он храпу!
Не по вкусу климат наш!»

«Что же ты бранишься, баба?
 Два часа одно и тож:
 Ах, ты!.. Ах, ты!.. Кабы... Кабы...
 Наш, татар, не ставишь в грош!

Как по-вашински, по-русски?
 (Ну, захочешь, так поймёшь!)
 Вот познаешь матку Кузьку –
 Нашу веру переймёшь!

Ну, уж тут хоть лопни-сдуйся!
 Не срами народ наш зря.
 Просчитались вы в улусах*!
 Смолкни! Проще говоря.

*Улус - становище, селение, аул

Хоть свинцом залей нам горло,
Хоть изрежь нас на ремни,
С православной стёжки торной
Не свернём! Христос храни!

Ах, ты гнойный прыщ заморский,
А вернее – два прыща,
Дай Господь, наступят сроки,
Зададим тебе леща!

Эй, прочисть, двугорбый уши!
Слушай да на хвост мотай:
Снимем нынче с хана стружку,
Будет помнить русский край!

Знай, горбатая уродина!
Вспыхнет земь для вас огнём!
Били погань на Смородине,
На Любовше разобьём!»

Спорить с этой бабой вздорной –
В ступе воду зря толочь.
«Эвон степь у вас просторна!
Шли б, сударыня, Вы прочь! -

Станет он со встречной первой
О высоком толковать!
Да к тому ж ещё с «неверной».
Ей бы Ваньку, да – в кровать!

Сгинь, шайтан*! Какие споры?» –
Словно визирь иль паша,
Мыл верблюд в степном просторе.
Томно, важно, неспеша...

*Шайтан - дьявол

Вьётся птица над обозом
 Между трёх степных дорог.
 Может, Ваня всё ж на козлах?
 Он – лихой! Подрались б мор!

Ить, на Маслену, бывало,
 Супротив дести – один
 Кулачищей так махал он!
 Только сунься подойди!

7.

«**Д**ва коротких перехода –
 Полтораста вёрст до них!» -
 У Судбищенского брода
 Хан стрельцов уже настиг.

Марья, зря гадать не стану,-
 За Гиреем тут же влёт.
 Басурманий путь к Ивану,
 Может, девку приведёт?..

Ты судьбинушка-судьбища!
 Кому – омут, кому – брод!
 Супротив орды – семь тысяч...
 Ох, и тяжкий выпал год!

Диким полем в тегиляях*
 Шли стрельцы вдоль пыльных троп.
 Хан, ничуть не размышляя,
 Ринул войско русским «в лоб».

*Тегиляй - кафтан со стоячим воротом и короткими рукавами

Наши что ж? Ай, шиты лыком?
Навострили бердыши*.
Валл картечи лютой, дикой
Степняков насквозь прошил.

Поредела волчья стая.
Из-за спин стрельцов, в ответ,
Как полынь, татар сминая,
Конный выскочил секрет.

Будь отчаянным, будь смелым,
Даже будь храним судьбой –
Конный бой – страшней нет дела!
Трижды – если встречный бой.

* Бердыш - широкий топор, иногда с гвоздевым обухом и с копьём, на длинном ратовище.

Копья бьют доспехи слёту,
Древки, словно вертела.
Крикам, стонам нету счёту,
Под копытами тела.

И от смертной, ярой сечи
В щепья колются щиты,
В плоть вонзаясь человечью.
Земь в крови, в крови кусты,

Воду – морс густой вишнёвый,
Монесла Любовша вдаль,
Рёбер хруст, крошат подковы
Череп, сверкает сталь.

Воеводы ополченье,
Распотав передний полк,
Захватило в плен знаменья.
Хвост поджав, Девлет примолк.

Стервенея, вдруг в атаку
 Снова кинулся Гирей.
 «Из пицалей* по собаке!
 Щельсь! И в глаз раскосый бей!»

Нечисть воеет, пули свищут.
 «Будут православных знать!» -
 Бились наши под Судбищем
 На смерть за Рассею-мать!

8.

 когда на поле бранном
 Вороньём упала ночь,
 Тишина хрипела странно -
 Жутко-люто, аж невмочь.

*Пицаль - ружьё

Дева-птица причитала,
Облетая русский стан.
Всё шептала в красноталах
Заговор на тыщи ран:

«Как дождями не пробило
Глади вод у синих рек,
Так бы прочным камнем было
Тело русича вовек!»

Зарастали тут же раны,
Видно, крепок был завет.
Только вот беда: Ивана,
Как и прежде – нет как нет!..

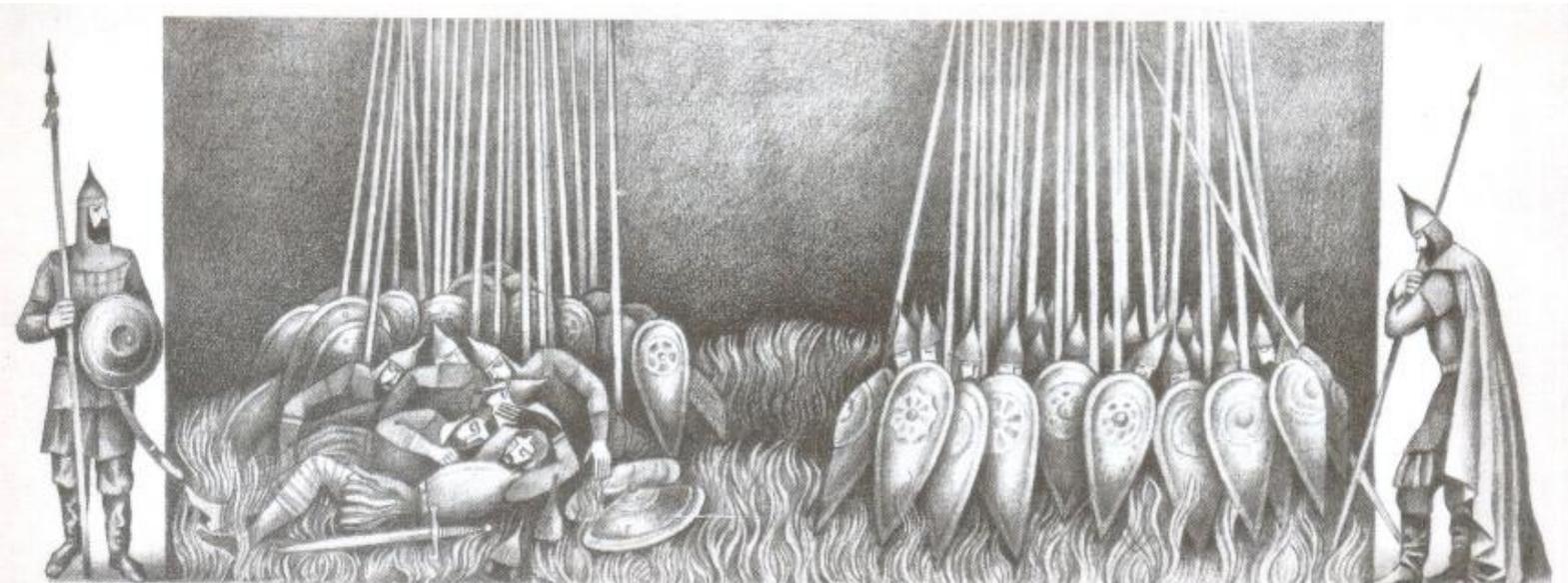
В стане вражеском татарском
До зари никто не спал –
Сам Девлет с пристрастьем ханским
Мленника в шатре пытал.

Тот не выдержал мученья
 И признался в горячах,
 Мол, тыщ семь ведут сраженья,
 Шесть – Муравский топчут шлях.

«Горстка росов! И всего-то! –
 Зашипел радюкой хан, –
 В прах сотрём их до восхода!» –
 Обнадёжил он крымчан.

И, воздав хвалу Аллаху,
 Приказал коней седлать,
 Чтоб одним единым махом
 Воеводу растерзать.

Но когда из-за Любовши
 Всплыл кроваво-красный шар,
 Ряд стрельцов (хоть редкий, тощий)
 Вновь стоял супречь* татар.

«Эй, урус! Померим силы?»
 Наши: «Ржать-то не спеш!»-
 Положась на Божью милость,
 Сжали крепче бердыши.

«Дрогнем, - знал вожак-боярин, -
 Всё пойдёт наперекос,
 И рванут на шлях татары,
 Отобьют назад обоз!»

*Супречь - напротив

9.

О зловещим щипом страшным

Взвился рой трёхперых стрел.

Сотня жал в колчане каждом!

«Олла Билла!»* - хан запел.

Десять выстрелов в минуту!

Нукера - за тьмою - тьма!

Дождь стальной шумит повсюду,

В пору сдвинуться с ума!

И дивится хан татарский:

«Жив! Не сдох ещё урус?!»

И гремит над свистопляской:

«Братцы! За Москву! За Русь!»

*Олла Билла! - Бог на помощь!

Мчат бояр бесстрашных дети,
Опрокинув вспять крымчан.
Но охраной при Девлете
Войско ярых янычар*!

Ощетинив копья дружно,
Встретили они бояр,
И судьба, как конь послушный,
Понеслась под визг татар.

Шереметев тяжко ранен,
Вороной хрипит под ним.
Как в тумане, поле брани:
«Мы...должны!.. Мы... Устоим!...»

Янычар* - татарский пехотинец

Мал на землю воевода,
 Гибнет! Гибнет русских рать!
 «Все в овраг, к Любовше, к броду!
 Вступись, Святая Мать!»

Видит Марья: к воеводе
 Вдруг, откуда ни возьмись,
 Мчит Иван её! И сходу,
 Подхватив, спасает жизнь

Боевому командиру, -
 Мрочь бегом на всех парах!
 А за ними скопом-миром
 Наши катятся в овраг.

И вскричал Девлет: «Победа!
 Славен будь в веках Аллах!»
 Как борзых, пустил по следу
 Нукеров своих на шлях.

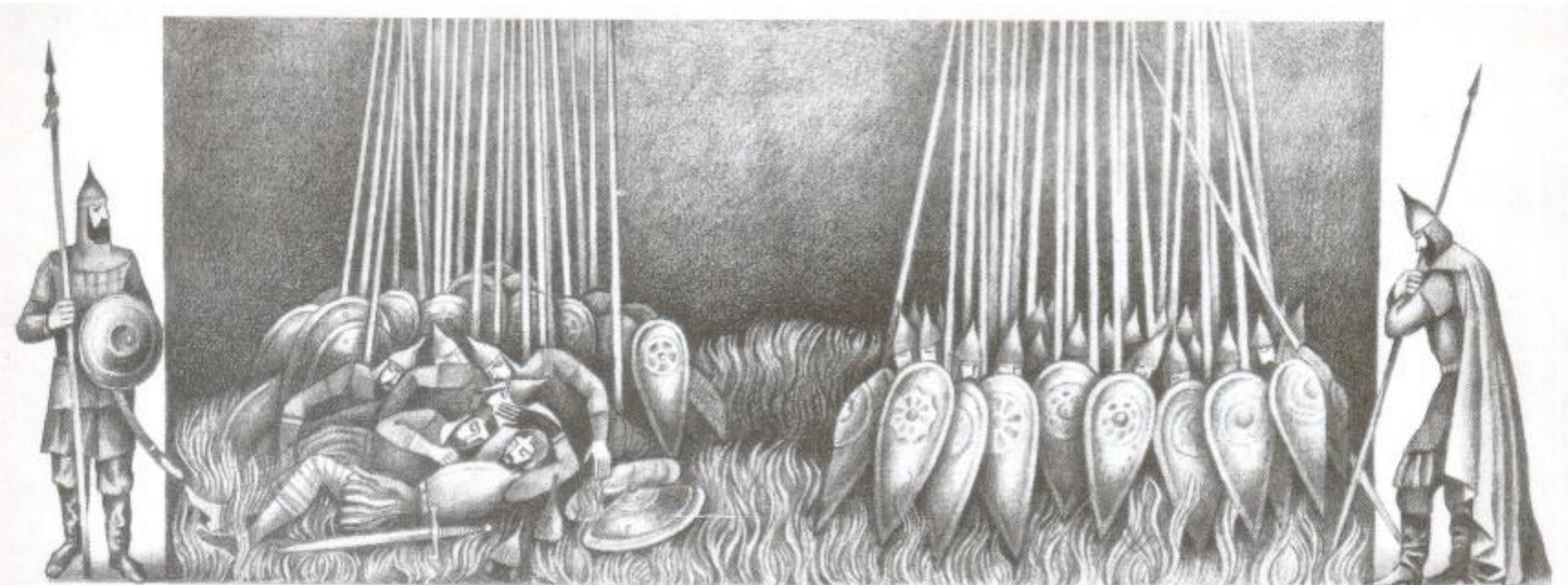
..Мимо стихшей жуткой сечи,
Копья к небесам задрал,
Свежие войска вдоль речки
Потрусили на Мурав...

10.

На побоище оравой
Опускалось вороньё.
Мир Судбищенский кровавый
Затевало, знать, на нём.

Полегло пять тысяч русских,
Втрое больше – у крымчан.
Будут вспоминать в улусах:
«Шереметев – сам шайтан!»

Затянув потуже раны,
(Нынче, видно, не до ран!)
Снова!.. Сидоров! Басманов!
Скачут, словно ураган!

Опрокинули отряды
Крымских лучших нукеров.
«Мой Аллах! Нет с ними слада!
Нарубили – будь здоров!»

И к своим опять нырнули,
Снова спрятались в овраг...
Хан – к дороге, тучей – пули,
Рой за роем, просто страх!

Хоть умри, но не сдавайся!
Землю ешь – не пропусти!
Разорвись хоть на три части,
Но не дай врагу пройти!

«Всех убить! – хватает саблю,
Мчится первым в горячах
Хан Девлет, не зная капли
Жалости. – Стереть овраг!»

Но кусты в лицо грохочут,
И плюют в глаза свинцом,
Из последней, крайней, мочи
Не даются взять в кольцо.

11.

У оврага — кучи трупов,
Вдоль степи — кровавый след,
А картечь всё лупит, лупит...
И взбесился тут Девлет!

Вновь берут крымчане луки,
Стрелы — стаями в кусты.
И: «Но коням! Сабли — в руки!»
Дикий свист — до хрипоты!

Раз за разом им навстречу
Сылет, льёт свинцовый град.
Не убьёт, так покалечит!
Сам себе Девлет не рад.

«Распроклятое Судбище!» -
В Диком поле воеет бес.
Косит смерть за тысячей тыщи,
Горы мёртвых – до небес.

Знать, татарам это поле,
Как судьбу, не обойти.
Встал изрублен, встал исколот
Грозный русич на пути.

А у них – копьё да сабля,
Муст колчан, как барабан,
И припасов нет – ни капли.
Увели обоз крымчан!

Ошарашена картечью
 Жутко воеет волчья сыть.
 Хан визжит: «Топить всех в речке!
 На лагман* всех изрубить!»

И с полудня до заката,
 Мозабыв про смерть и страх,
 Водит сам войска в атаку
 Штурмовать лихой овраг.

Как дошло до рукопашной,
 Задрожала татарва.
 Страшен русский бой кулачный,
 Коли на кону – Москва!

* Лагман - татарское блюдо, лапша

Не успела Марья даже
 На любимого взглянуть.
 Кулачищем снова машет
 Ваня в гущу там и тут.

Жив! Не ранен милый даже!
 Ширь груди – степной простор,
 Взгляд – орла! Стёр, бесстрашен!
 Древний витязь – Святогор!

«Знай-лупи по бритым бошкам!» -
 Засучивши рукава,
 То – под дых, а то – наотмаш,
 Чаще – в морду бьёт братва.

Хан свистит, и на подмогу
 Тыщи новые встают.
 Русичи (ещё немного!)
 Богу душу отдадут.

12.

Тишь Аллах об этом знает,
 Кто схитрил, сберёт колчан.
 Юрк – стрела, змеица злая!
 Только ахнул наш Иван!..

В камень обратилось сердце
 Всех, кто слышал Марьин крик:
 «Ох! Куды ж от горя деться!»
 Поседела в тот же мир.

Помертвели красноталы,
 С поля битвы кровь впитав.
 Осыпаться прахом стали
 Венчики речных купав.

Но несётся сквозь долину
Это дерзкое «Ура!»
Русской конницы лавина
Вновь летит из-за бугра.

Ад крошечный под Судбищем!
В пыль Девлет швырнул Коран.
Люб расшиб – Аллах не слышит,
Наплевал на басурман.

Хан в такой смертельной битве
Не бывал уже давно.
Топоры острее бритвы,
От клецов* в глазах темно!

*Клевец - дробящее-колющее холодное оружие, разновидность боевого молота.

Отойдут в тылы бояре
Отдыхаться пять минут,
С бердышей стрельцы как вжарят
Им на смену – тут как тут!

На колу висит мочало...
Русь, Девлет, пора бы знать!
Под Судбищем время стало,
А потом рвануло вспять.

...Снова пала ночь над степью.
Захлебнулся стали звон.
Войск измотанных отрепья
Воят общий, страшный, сон.

Степняки, сиречь – татары,
Отпустив коней на лог,
Тут же рухнули, отарой,
Не молясь (Аллах оглох!)

Шереметевцы не спали
 «Рази ж нынче, брат, уснёшь!»-
 Зубьев скрежет.
 Скрежет стали
 Вспомнят – как по сердцу нож.

Марья же просила Бога:
 «Господи! Врагов сердца
 Обрати к Твоему порогу!
 Коль невозможно до конца

Им, коварным, обратись,
 То порушь ты их дела.
 Защити своей десницей
 Избранных Твоих от зла!»

13.

...**Н**очь мигнула саблей тонкой.

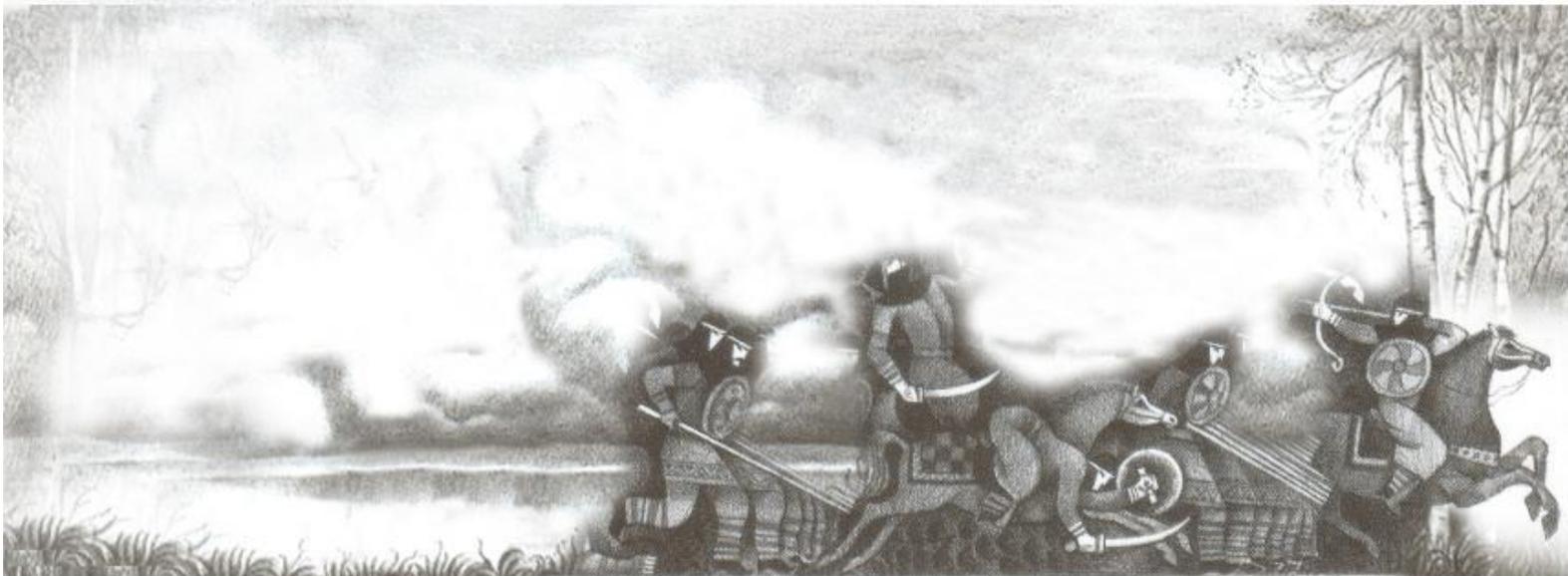
У Любовши, у реки,
Засверкали ерихонки*,
Загорелись шишаки**.

Хан продрал спросонья глазки:
«Хочешь – падай, хочешь – стой!
Ну, дела! Точь в точь, как в сказке:
Заручившись темнотой,

(Ночь молились, видно, Богу!)
Не сбежали до своих,
Не очистили дорогу!
Станут биться за троих!

* Ерихонка - тип шлема с остроконечным верхом

** Шишак - тип шлема с остроконечным верхом, заканчивающимся шишечкой.

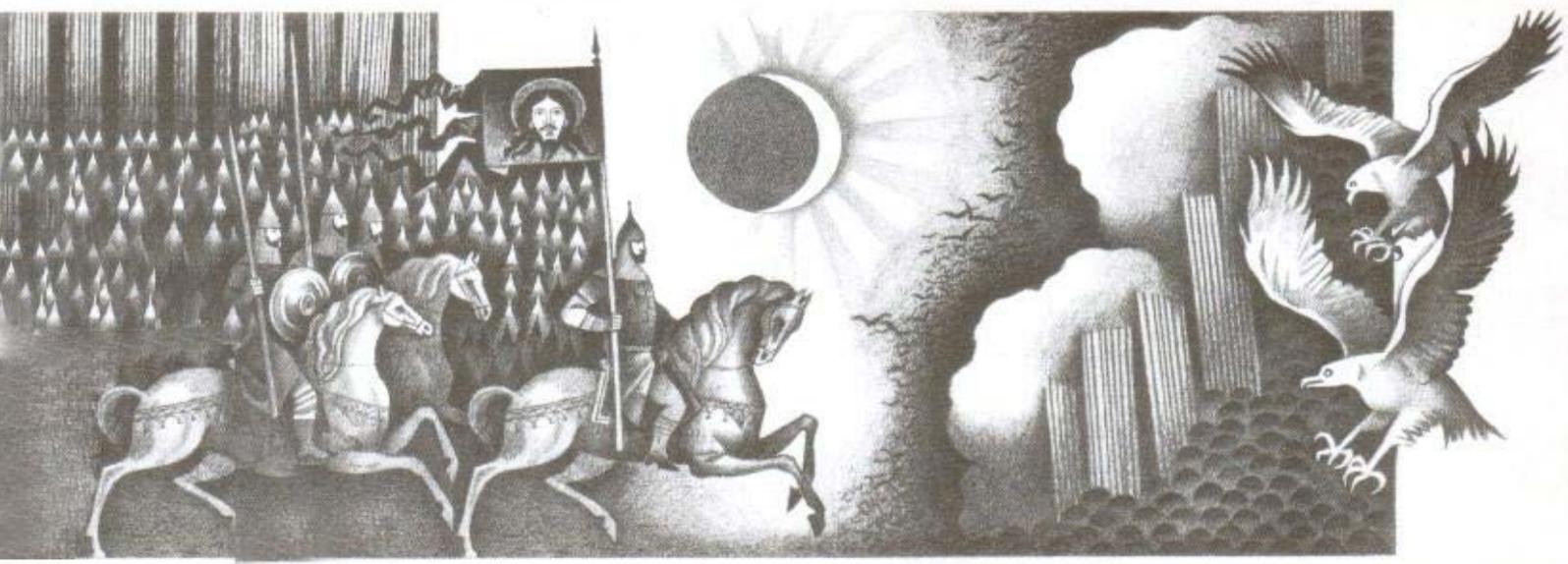

Русь сама даёт им силу!
 Не уйдём, - смекнул Гирей, -
 Сыщем все себе могилу
 У Судбищенских полей!

Да к тому ж - прошла неделя!
 От обоза сгинул след...
 Проморгали! Проглядели! -
 Сёк своих кнутом Девлет.

Что ж я нынче невезучий?!
 Хоть бы пару тысяч стрел!» -
 То чернел чернее тучи,
 То белел Девлет, как мел.

Уцелев в двухдневной сечи,
 Янычары мрут от ран.
 О сраженьи нету речи.
 «Отступление! Шайтан!»

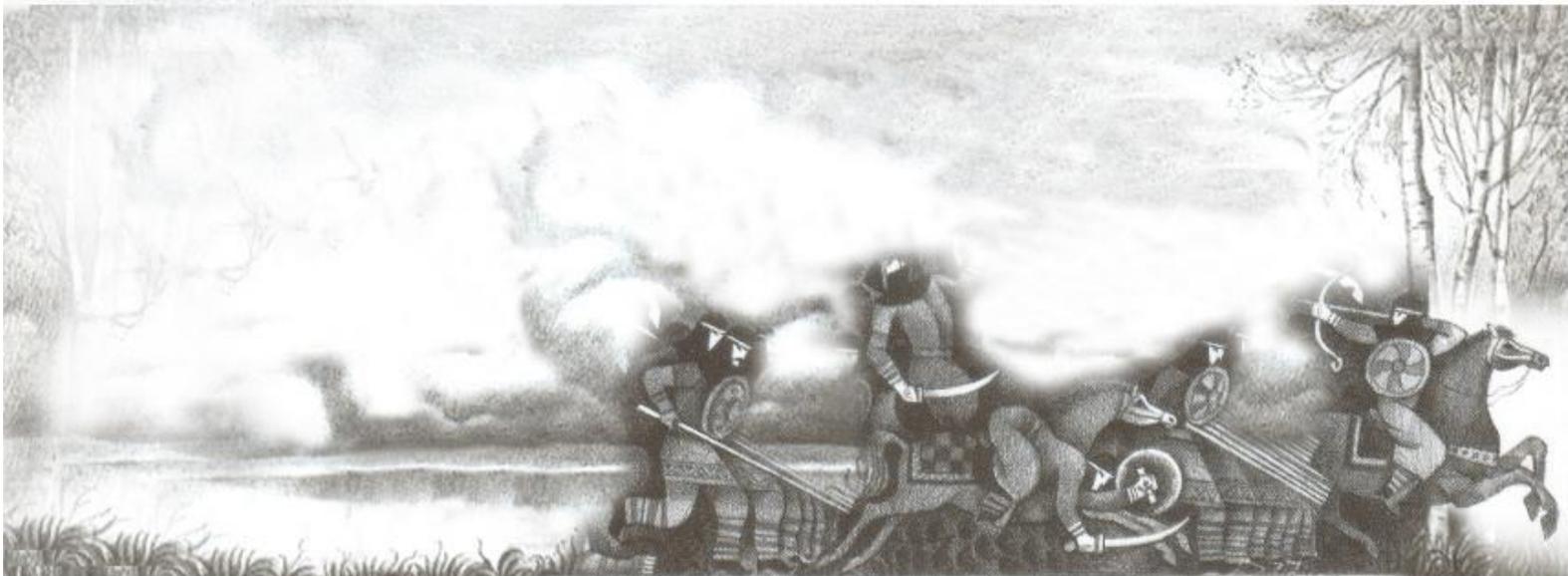

Ручку храбрых, стойких русов,
Обойдя путём иным,
Хан рванул к своим улусам
По степям в далёкий Крым.

14.

Вот уже зарделись маки,
Море в скалы бьёт хвостом,
Но разбойники-казаки
Перекрыли степь гуртом.

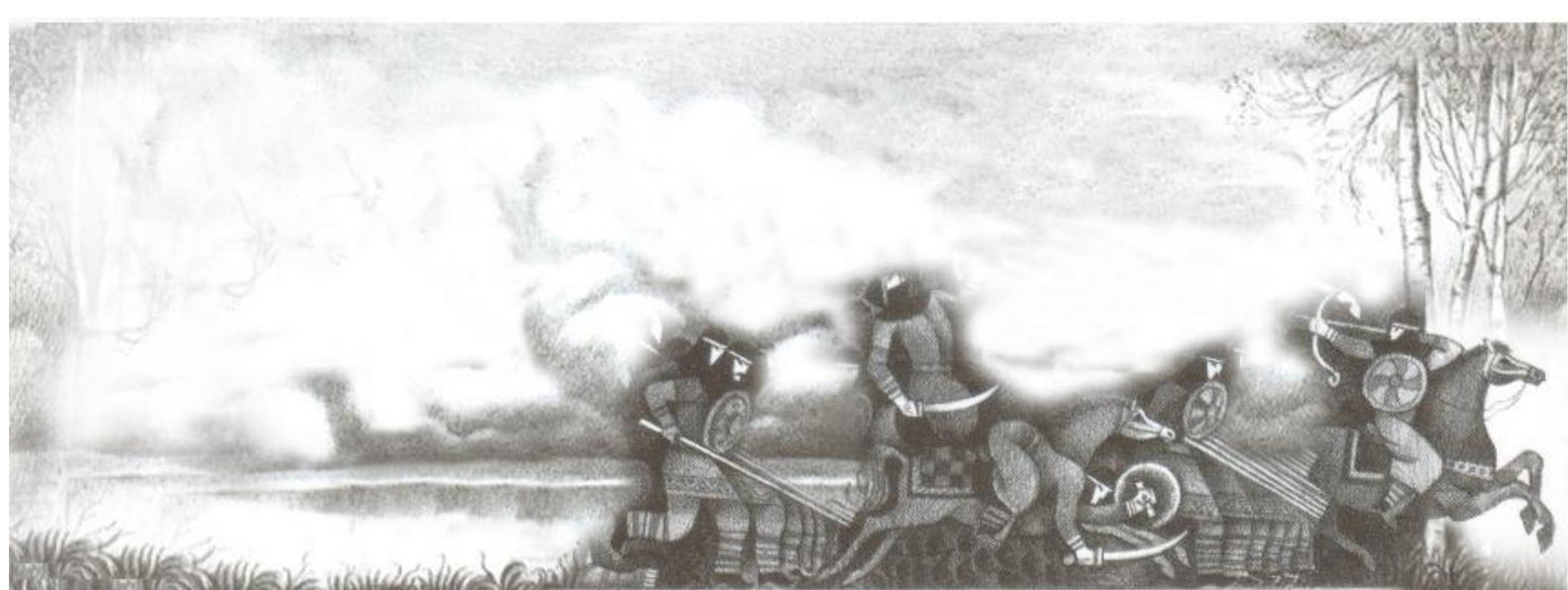
И коней пятнадцать тысяч
В миг отбили у орды.
Эк, аукнулось Судбище!
За бедою - жди беды.

Хан молил пощады небо:
«О, отец моих отцов!
Отчего ты с нами не был,
Отвернул от нас лицо?»

Долго жил Девлет на свете.
Всех побед его не счтёшь.
Но лишь вспомнит: «Шереметев!»
И тот час бросает в дрожь.

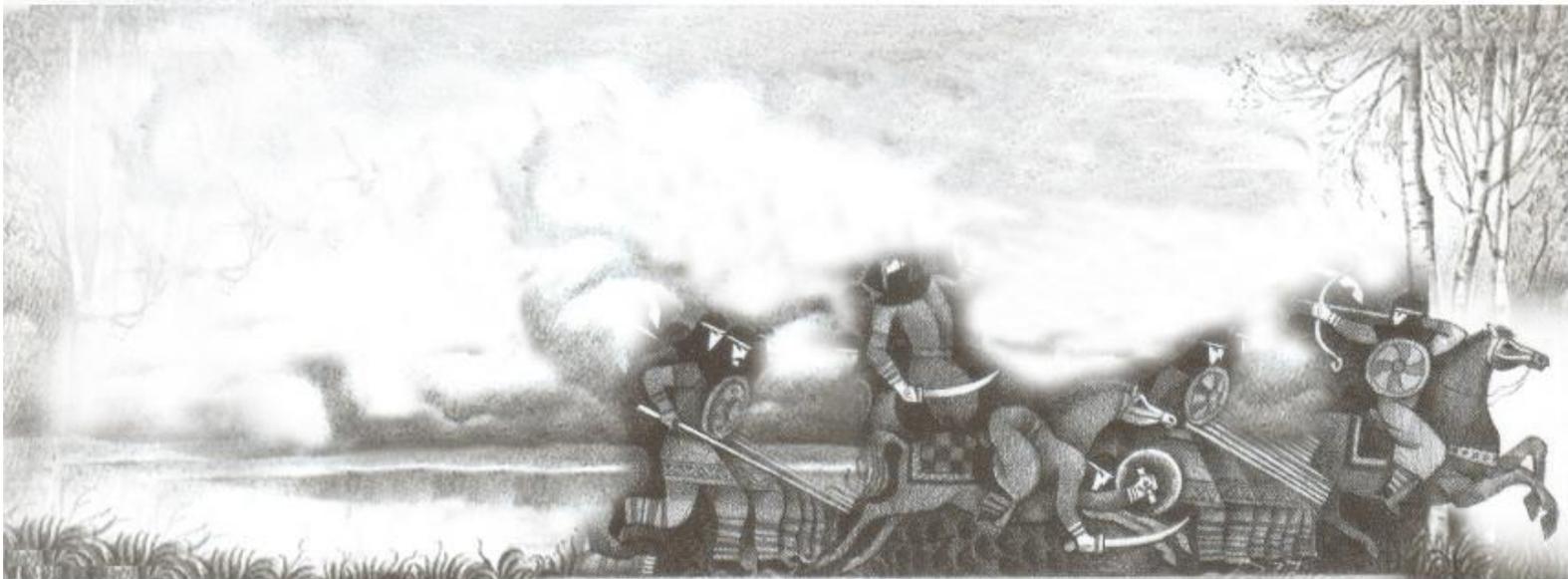
Государь узнал о битве:
«Не сдюжала татарва!
Не догнать, бежит в Гавриду,
Вслед встаёт полынь-трава.

Шереметев тяжко ранен,
Половины войска нет,
Но в своём проклятом стане
Рвёт волосья хан Девлет!»

Говорят, детей боярских,
От разора спасших Русь,
Грозный наградил по-царски.
Как? Сказать я не берусь.

Знаю только: Шереметев
Был в опале много лет.
Царь в измене заметил.
(На добро - добром ответ!)

И в темнице страшным пыткам
Был подвержен наш герой.
Тот, чей путь боями выткан,
Кто стоял за Русь горой!

Муки все терпел без стога.
Удалившись в монастырь,
Принял постриг, как Иона.
И читал, читал Псалтирь.

Всех простил, без жажды мести,
В вечный отошёл покой,
На алтарь служенья чести
Положил себя с лихвой.

Ну, а царь? Известно – Грозный!
Сколь народов воевал!
Даже край лихой, морозный
Для него Ермак подмял.

«Со степи, с украин южных, -
Думу думал царь не раз, -
Строить город-крепость нужно!»
Но о том иной рассказ...

Ранул след в веках от битвы....

Тишина... Июльнь цветёт...

Номинальные молитвы

Шепчет степь из года в год...

Наяву, а может, снится?

Лику павших - в небесах...

И кричит в причёты птица,

И летит, летит в овраг:

*«Распокинул роднай Ванюшка,
Закатилось красно солнышко.
Как придёт на поле летушко,
Закокует-то кокушечка.
Припаду я ко земелюшке,
Закручинюсь во кручинушке.
Ты очнись, проснись, мой ладушка,
Погляди-тко на горюшецу.
Погляди-тко да послушай-ка,
Как живётся сиротинушке...»*

«Уж вы горлинки, мои вы голубочки!
Не гуркуйте во зелёном во лесочке,
Не садитесь на ели вы, на сосенки,
Облетайте стороною вы берёзоньки.
Им и так беда-бедой, горяче-горюшко,
Хоть беги из бора во широко полюшко.
Их макушечки ветрища позаламывали,
А сучки-лозиночки да позапутывали.
Злобны вороны собираются, всё каркают,
Гнездовища в них свои обустройствают.
Как у нашего родимого Ванюшечки
Крупны кудри на головке с золотиночкой.
Как у милой нашей лапушки у Марьюшки
Жисть-судьбинушка солдатки-сиротиночки,
Не утёрты беспросветные слезиночки,
Ой, да свадьбы нет, одне болести да поминочки...»

У - ж вы гор - лин - ки, мо - и вы го - лу
бо - оч - ки! Не гур - куй - те во зе - лё - ном во ле -
соч - ке, не са - ди - те - ся на е - ли вы, на со - сен - ки,
об - ле - тай - те сто - ро - но - ю вы бе - рё - зонь - ки.
Им и так бе - да - бе - дой, го - рю - че - го - рюш - ко,
хоть бе - ги из бо - ра во ши - ро - ко по - люш - ко, их ма -
ку - шеч - ки вет - ри - ща по - за - ла - мы ва - ли, а суч -
ки - ло - зи - ноч - ки да по - за - пу - ты ва - ли.

Злоб - ны во - ро - ны с - би - ра - ют - ся, всё -
кар - ка - ют, гнез - до - ви - ща в них сво - и об - уст - ра - и - ва -
ют. Как у на - ше - го ро - ди - мо - го Ва - ню - шеч - ки круп - ны
куд - ри на го - лов - ке с зо - ло - ти - ноч - кой. Как у
ми - лой на - шей ла - пуш - ки у Марь - юш - ки жисть - судь -
би - нуш - ка сол - дат - ки - си - ро - ти - ноч - ки, не - у -
тёр - ты бес - про - свет - ны - е сле - зи - ноч - ки, ой, да
свадь - бы нет, од - не бо - лес - ти да по - ми - ноч - ки...

Закатилась красно солнышко

Сл.Т.Грибановой

Муз.А.Харасахала

Протяжно

Soprano

Рас-по-ки-нул_ род-ной Ванюш-ка, За-ка-ти-лось_ крас-но сол-ныш-ко.

3 Дм Ам Дм Гм Ам Дм

Как при-дёт на по-ле ле-туш-ко, За-ко-ку-ет-то ко-ку-шеч-ка.

5 Дм Гм Дм Гм Дм Гм Дм А Дм

При-па-ду я ко зе-ме-люш-ке, За-кру-чи-нюсь во кру-чи-нуш-ке.

7 Дм Гм Дм Дм Гм Дм

Ты оч-нись, прос-нись мой ла-душ-ка, По-гля-дит-ко на го-рю-ше-цу,

9 Гм Дм Гм А7 Дм Дм Гм Дм А7 Дм Гм Ам Дм

По-гля-дит-ко, да по-слу-шай-ка, Как жи-вётся си-ро-ти нушке, Ох, си-ро-ти нуш-ка.

Распокинул родной Ванюшка,

Закатилось красно солнышко.

Как придёт на поле летушко,

Закокует-то кокушечка.

Закручинюсь во кручинушке.

Ты очнись, проснись, мой ладушка,

Погляди-тко, на горюшецу,

Погляди-тко, да послушай-ка,

Как живётся сиротинушке...

Ох, сиротинушке.

Татьяна Грибанова

**СКАЗ ПРО ТО, КАК МАРЬЯ
ИВАНА ИСКАЛА
(Судбищенская битва)**

**Редактор поэмы –
Президент Академии Поэзии
Валентин Алексеевич Устинов.**

Иллюстрации: Н.А. Воробьев

Дизайн А.С. Ухин

Подписано в печать 15.11.2012 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Karmen
Объем 4 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 404

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru